

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Толстая суковатая палка как-то архаична в его руке. Однако я помню дни, когда она считалась незаменимым атрибутом Валерия Золотухина. «Трость стал носить так просто, — объяснял он. — Чтобы люди оборачивались: чего это он, мол, такую дубину таскает?»

Идя с ним в толчее московских улиц, я то и дело замечаю, как глаза встречающих задерживаются на его лице. Узнают актера Валерия Золотухина? Нет, оборачиваясь вслед, случайный прохожий скорее видит, как мне кажется, самого себя — некогда такого же молодого, такого же открытого навстречу всем ветрам и грозам, навстречу будущему, созидать которое еще только предстоит. Где-то в тайниках души рождается эхо давних уже воспоминаний о днях собственной молодости, прожитой трудно и светло, о начале собственных биографий, в которых войны и стройки, горе и радости замешаны круто, на всю жизнь.

Но, конечно, артиста Золотухина — с его счастливым талантом дарить людям возможность возвращения к прожитому — многие уже знают, и больше по кино. Хотя популярность его там необычна: актер, чье амплу на старом театральном языке определялось бы как обаятельный проstack, создал на экране героический образ революционного бойца. Образ, в котором отсутствуют чисто внешние признаки киногероя.

После телевизионной премьеры гайдаровского «Бумбараша», а точнее, еще раньше — после выхода на экраны фильма «Пакет», поверили мы в правдивость и жизненность точно увиденных Золотухиным персонажей.

Не знаю, стоит ли оглядываться назад в поисках параллелей и вспоминать, скажем, Бориса Тенина и его красноармейца Шадрина из «Человека с ружьем» или матросов из «Мы из Кронштадта»? Да, искусство питается традициями. Но, думаю, и драматургический материал, и сам подход к теме у Валерия Золотухина оказались иными, более простыми и более сложными одновременно.

Аркадий Гайдар написал сказочную притчу о Бумбараше. Прекрасную в своей бесхитростности, романтической приподнятости историю народного борца-освободителя, вышедшего на правый бой с буржуями и капиталистами за родную Советскую власть.

Валерий Золотухин сыграл Бумбараша в кино этаким озорным, острым на язык русским крестьянином, намеренно заземлив образ, лишив его былинной удалости, наделив чертами чисто человеческими, житейскими. Его Бумбараш оказался сродни Василию Теркину, ибо вобрал в себя все лучшее, что есть в нашем народе, — высочайший патриотизм и неиссякаемый оптимизм, мужество и веру в победу.

Случайно ли, нет ли, но фильм о Бумбараше снимался в окрестностях украинского города Канева, где похоронен Аркадий Гайдар, погибший в дни Великой Отечественной войны.

Может быть, оттого, когда ныне молодой актер Валерий Золотухин воплотил Бумбараша в телефильме, сама ус-

ловность этого характера, развивавшегося в рамках притчи Гайдара, обернулась вдруг чем-то удивительно современным, молодым, близким. «Живи, Бумбарашка, в светлом коммунистическом обществе», — напутствовали его красноармейцы, отправляя с фронта домой.

Оптимизм тех, самых первых дней нашей новейшей истории подарил нам Бумбараша, оставил его с нами навсегда...

— Почему вы стали актером, Валерий?

— Наверное, потому, — отвечает он, — что природа придумала меня именно им и никем другим. Кроме того, я не умею закуривать в своей голове те идеи и наблюдения, которые постоянно копошатся в ней...

Видно, что он улыбается — и заданному вопросу, и своему ответу на него. Потому что наверняка не верит в однозначность суждений на тему о человеческом призвании, в исчерпанность и точность мгновенных формулировок.

И после этого шуточного ответа в памяти невольно всплывает песенка, которую он, Валерий Золотухин, бесшабашно распевал, сидя на тендере потропанного паровозика, ползущего сквозь дымы и пожары гражданской войны:

Дрожи, буржуй,
настал
последний бой!
Против тебя
весь бедный
класс поднялся.
Он оглаулся, засмеялся,
все цепи разорвал
И за свободу бьется, как
герой!..

Золотухин говорит, что, работая над ролью Бумбараша, он вспоминал своего деда. То, которого и не знал вовсе, которого рисовало воображение по письмам матери, по выцветшим фотографиям. Вспоминал свое родное алтайское село Быстрый Исток — шел к образу по векам будто собственной судьбы.

Мне почему-то кажется, что актеру Золотухину и сегодня радостно возвращаться к местам своего детства. Радостно голосовать на дорогах, прыгать на подножки попутных грузовиков, брести долгой лесной просекой к селу. И что каждую новую свою роль он выверяет опытом им самим пройденного пути, заряжает своей молодостью, своим пытливым мироощущением.

— Молодости обычно дано обостренно чувствовать пульс времени, — замечает он. — Тан уж получилось, что герои мои в театре в большинстве своем датированы временем прошедшим: и Грушинский в «Герое нашего времени», и Лопухов в «Что делать?», и Находка в «Матери», и Водозан в «Добром человеке из Сезуана», и даже Пушкин в «Товарищ, верь!» И в кино мне пришлось сниматься больше в ролях людей, делавших или защищавших революцию. Но я всегда говорю, что играю современников, только их. Да и искусство прошлого, если оно подлинное, принадлежит настоящему, и стареть ему не дано — свято верю в это. И потому каждая новая роль, за которую я берусь, прежде всего поиск подступов, путей и создание образа современника. Правда, мои работы в кино, хотя они являются лишь эпизодом в биографии театрального актера, более заметны широкому зрителю...

После фильма «Пакет», получившего «Гран при» на Международном фестивале телевизионных лент, так уж сложилась кинематографическая судьба Золотухина, что ему приходится играть, как правило, людей, становление характеров которых происходило в трудные военные годы или при обстоятельствах, требующих мужества, ясности поставленных целей, самоотдачи: Бумбараш, чекист

в картине «О друзьях-товарищах», милиционер Василий Фокис Сережкин в фильмах «Хозяин тайги» и «Пропажка свидетеля». Создавая эти образы, актер смотрел на них глазами поколения, чьи годы были безоблачно счастливыми. Но не только этого поколения...

— И я, и мои сегодняшние сверстники, родись мы раньше на несколько десятилетий, оказались бы на месте тех, кто воевал. И наши биографии могли бы стать военными, трагическими, оборваться вдруг — ради спокойствия и мира на советской земле, за которую много жизней и крови отдали наши отцы. Когда перед объективом кинокамеры я надеваю армейскую шинель, беру в руки винтовку, я думаю об этом...

Во время съемок кинофильма «Пакет» у режиссера Владимира Назарова было немало сомнений: не переживает ли актер в своей раскованной непосредственности, получится ли образ? Но после монтажа оказалось, что все получилось

как надо: Петька Трофимов умен, добр и смел.

— Я почувствовал Петькин характер интуитивно, — рассказывает Валерий Золотухин. — Представил себе деревенского парня, как мы теперь говорим, «от сохи» (эти слова часто наделяются смыслом не совсем верным), самого что ни на есть обыкновенного крестьянского сына, привычного к земле, к нелегкому и светлому труду на ней, ставшего в тяжкие военные годы на защиту этой родной земли, мирного своего призвания.

Люди рождаются для мира. И ничто не может быть краше в человеке, чем доброта. Видимо, поэтому любимым своим персонажем считает Золотухин сказочного Ивана, Иванушку-дурачка — прекрасного, честного, неунывающего народного героя. И истоки всех подвигов самопожертвования, о которых и артист, и его ровесники знают по воспоминаниям старших, по книгам, по обожженным страницам истории Отечества, — беззаветная влюбленность в жизнь, в свою Родину, в будущее...

Валерий Золотухин уже несколько лет находится в фокусе зрительского внимания. Один из ведущих актеров театра на Таганке, он и в кино снимается теперь почти непрерывно. И дело здесь не в каком-то удобстве артиста для режиссеров. Скорее наоборот — он неудобен, колюч, зато творчески всегда основателен и серьезен. Этим он и интересен для постановщиков. Тем, что никогда не выбирает легких путей, не эксплуатирует свое обаяние, не заслоняется от зрителя маской простецкой улыбки.

Его поиск постоянен, как постоянная работа — каждодневная, тяжелая, нередко черновая.

— Я стремлюсь отдавать кинематографу все свободное от театра время. Зритель позволяет близко заглянуть людям в глаза, покопаться в душе героя...

Да, это еще не все — надеть кожаную тужурку чекиста, милицейскую фуражку или же военную гимнастерку. Узнавание или неузнавание, приятие или неприятие зрителем киногероя лежат в иных плоскостях, измерены меркой таланта и души, тяжестью

багажа актера. Зритель видит на экране его глаза и замечает в них малейшую фальшь.

Золотухин любит рассказывать о начале своей театральной карьеры, когда его, выпускника отделения музыкальной комедии ГИТИСа, пригласили на драматическую сцену, в Театр имени Моссовета. Те два первых сезона не принесли молодому актеру известности, лишь помогли обжиться на театральной площадке. Роли, которые он исполнял, были по большей части эпизодические, с уклоном, как он сам говорит, на «этаних рубах-парней с гармошками».

Желание нравиться зрителю — в природе артиста. Золотухин уже тогда знал свои козыри и старался использовать их. В спектакле по пьесе Исидора Штока «Ленинградский проспект» он играл небольшую роль приятеля главного героя. И появление Валерия на сцене, и его уход непременно вызывали смех и аплодисменты в зале. После одного из спектаклей молодого исполнителя пригласил в свою гримерную народный артист СССР Николай Мордвинов. Очень внимательно и долго смотрел на Золотухина, будто видел его впервые.

— Лицо-то какое хорошее, — сказал он самому себе. И добавил: — Вы, молодой человек, в спектакле играете Чухина, друга моего сына. А сын у меня — не дурак. И глупых друзей у него быть не может...

Мордвинов имел в виду ту опасность, которая таится за широкой легкой улыбкой. Предостерегал от разбазаривания таланта. И Золотухин навсегда запомнил эти его слова.

Легких профессий не бывает, — говорит он сейчас. — Встречаются люди с легким отношением к своим профессиям. Когда-то давно я приехал с Алтая в огромную Москву, чтобы поступить в театральный институт. Я еще ничего не умел, а лишь хотел уметь. Потом стал играть в театре, начал сниматься в кино, выступать по телевидению. Но я по-прежнему хочу уметь, по-прежнему учусь.

Каждую новую роль, каждый образ Валерий Золотухин пытается постигнуть, ища в них самого себя. В этом — ключ его естественности. Возможно, он искал себя также и в Чапаеве Бориса Бабочкина, и в Щорсе Евгения Самойлова, и в Котовском Николае Мордвинова... Он начинал не на пустом месте. И все его поиски образов людей в шинелях, солдат революции, часовых мира схожи с кропотливой промывкой песка золоти-искателем: не вдруг и не сразу вылавливаешь редкие сверкающие крупинки.

Киногерои Валерия Золотухина росли и мужали в суровые военные годы. И вышли из этих испытаний добрыми и искренними, смелыми и великодушными. Потому на белом полотне экрана суждено им стать продолжателями линии самой приметной — линии жизни.

Шагает по выжженной степи Бумбараш, возвращается к себе домой. Где он, его дом? На Украине ли, в Белоруссии, под Рязанью? Или же далеко на Алтае, в селе с веселым названием Быстрый Исток? Какая в сущности разница, где он?

Шагает Бумбараш, думая, какой походкой войти ему на родную улицу: и ногу волочить пробует, и согбенно брести, и ковылять устало. А потом, едва высыпают на пригорок чуть различные издали крыши домиков, забывает обо всем на свете — бежит к ним навстречу.

Ничего, ничего, ничего!

Сабля, пуля, штыки — все равно!

Ты, родимая, ты дождись меня,

И я приду.

Я приду и тебя обниму —

Если я не погибну в бою

В тот тяжелый час,

За рабочий класс,

За всю страну!..

И степь, и бездонное небо, и солнце, и мир. Бежит Бумбараш, несет их в себе — домой, в завтрашний день...

Ал. МАРЬЯМОВ.

На снимке: В. ЗОЛУХИН в фильме «Бумбараш».

3 В НЕДЕЛЮ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА:

123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Защ. 6723.

3 НОЯ 1973

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА
Г. МОСКВА

ТЕЛЕФО

для справок в редакцию
ла писем, массовой ра-
ских исследований —
вок в издательстве — 25